

„Чеховское настроеніе“.

„Le roi est mort, vive le roi“!

„Умеръ король, да здравствуетъ король“!

Не въ пошломъ смыслѣ употребляемъ мы здѣсь этотъ бодрящій возгласъ жизнерадостной націи...

Мы не намѣрены унижаться до обиднаго для нашего народа напоминанія о томъ, что велика и обильна его земля и богата его душевная нива. Мы гнушаемся языческой ролью плакальщицы. Не станемъ голосить: „на кого ты покинулъ насъ, сиротъ?“. Не будемъ и быть въ литавры торжествующаго патріотизма: „есть-де у насъ еще въ запасѣ богатыри пзашнаго слова, искусства и науки! И завтра же наша земля родитъ новыхъ Чеховыхъ“!..

Но кто же, имѣющій языкъ, можетъ молчать теперь о Чеховѣ?

Насъ томитъ желаніе сказать „божественное“ слово надъ прахомъ кумира молодежи, дорогого и нашему прошлому поколѣнію. И мы не боимся искренно бросить его въ лицо обществу, у котораго, въ минуту повстинѣ трудную, брызжетъ неизсякаемый источникъ слезъ объ утратѣ благороднаго, милаго сердца.

Мы хотимъ сказать: это сердце перестало биться... но есть-ли „безвременная могила“?

Самъ нашъ незабвенный другъ обрѣлъ наконецъ покой.

„Чахотка, разстройство кишечника, перебой сердца“... Не эти немочи уходили добромолодца, сначала пышавшаго здоровьемъ. Его сгубила душевная болѣсть: да, сердце у него было не на мѣстѣ...

Говорятъ, въ удѣлъ Чехову досталось рѣдкое счастье—прославиться при жизни. Рѣдкое счастье и для критики—сразу понять, оцѣнить крупнаго писателя. Прочтите всѣ статьи—плачи, которыми пестрятъ теперь столбцы газетъ: нѣтъ двухъ мнѣній. Замѣча-

тельно: даже въ нахальныхъ органахъ той самой мерзости заустѣнія, которую рисовалъ покойный, слышится словно стонъ цѣлаго загубленнаго поколѣнія...

Чеховъ—органъ „нытиковъ“, этихъ сынковъ знаменитаго „лишняго человѣка“ и героевъ „кладбищенства“. О, господа академики новаго отдѣленія, разъясните намъ „генезисъ“, происхождение этихъ новыхъ родныхъ словечекъ, непереводаемыхъ на языки Запада! Чеховъ—пѣвецъ нашихъ „сумерекъ“, будничнаго прозябанія, „гнилья грибоного“, какъ говорилъ другой страдалецъ русскаго унылаго патріотизма, Глѣбъ Успенскій. Его картины—стоячее болото да слѣды слякоти отъ него во всѣ стороны; а надъ нимъ какая-то заразная мразь вмѣсто воздуха. Это даже не картины, а картинки; прежде самый порокъ давалъ величавыя полотна Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Толстого. Тутъ спящее царство „хмурыхъ“ людей, двуногихъ „въ футлярѣ“, „однихъ чудаковъ“. Передъ нами Палестина пошлости, тупоумія, косности и безволія, безволія безъ конца. Наша жизнь—„сѣрое пятно“, говоритъ одинъ изъ чеховскихъ героевъ.

Всѣ въ одинъ голосъ прибавляютъ, что это—злополучные наши восьмидесятники. Вѣрнѣе: это—жатва тѣхъ сѣятелей исторіи, которые работаютъ всюду съ начала 80-хъ годовъ; это—болѣзнь „конца вѣка“.

Ужъ сколько мы наслышались за это время возгласовъ новыхъ пророковъ-увѣщателей, которые старались заклясть змѣй человѣческой страсти, притязаній личности на небывалую полноту жизни! Изъ Франціи доносилось: „Назадъ!“—къ хвастливому націонализму на подкладкѣ іезуитства. Англичанинъ (Рескинъ) звалъ „назадъ“—къ дорафаэльскимъ временамъ „брата божественно-ангельскаго“ (Fra Beato Angelico da Fiezele). Нѣмцы вопили: „назадъ, къ Канту!“ И естественно—сначала къ его „чистому“, а потомъ и къ нечистому, „практическому“, разуму.

„Назадъ, домой!“ вторили у насъ именно

люди, негодующіе на подражаніе Западу, кричащіе: „мы сами—съ усами! мы даже единственная цапа-всечеловѣкъ (чуть не рангомъ выше сверхчеловѣка!“) И всѣ эти вопли покрывались общимъ шмелинымъ гуломъ: „плевать на все внѣшнее, матеріальное, на всѣ учрежденія, формы общественности и политики. Ну, а стало быть, и на науку, съ ея надоедливой критикой, разлагающей насъ возвышающій обманъ! Воздѣлывай себѣ мораль, копайся въ своей душонкѣ, ради себялюбиваго спасенія, и—не противься злу“...

Вотъ до какой мерзости заустѣнія на нашей земной нивѣ довели насъ внутреннія мистическія стремленія!.. Не новость. Исторія видѣла не разъ, какъ, послѣ просвѣтляющаго труда бодрого поколѣнія, надъ грѣшиюю землей разстилался туманъ декаденствующаго, лежащаго науку потомства, наставало царство лѣнивой мечтательности, капризнаго фантазерства, и съ тѣми же самыми результатами.

И Чеховъ, этотъ художникъ-реалистъ, котораго критика уже роднитъ съ Гоголемъ, понималъ злобу дня. По крайней мѣрѣ, лѣтъ 10 тому назадъ, онъ писалъ А. Суворину, что съ него соскочилъ „гипнотизмъ своего рода“, наведенный толстовскою философіей. „Теперь во мнѣ что-то протестуетъ—заявлялъ онъ. Расчетливость и справедливость говорятъ мнѣ, что въ электричествѣ и парѣ любви къ человѣку больше, чѣмъ въ цѣломудріи и въ воздержаніи отъ мяса... Естественныя науки дѣлаютъ теперь чудеса, и онѣ могутъ двинуться, какъ Мамай, на публику и покорить ее своею массою, грандіозностью... Теперь русскому человѣку нужны прежде всего желанія, темпераментъ: надоѣло кисляйство“.

Вотъ какою болѣзью „конца вѣка“ болѣлъ нашъ Чеховъ! Мы не знаемъ ничего болѣе мучительнаго, болѣе трагическаго, чѣмъ яркое отраженіе всеобщей гнойной язвы въ хрустальной душѣ художника слова и честнаго мужа...

Насколько мы понимаемъ эту родную душу,

она не была въ силахъ исцѣлиться. „Чеховское настроеніе“ не могло перестроиться. Оттого-то поэтъ не исписался: онъ далъ намъ перлъ созданія въ своей сферѣ. Оттого же мы рады смерти „жертвы безвременья“—рады за нее самое. Пребывать въ „Вишневомъ саду“, съ „Тремя сестрами“ на сердцѣ, съ „Припадкомъ“ въ душѣ, съ такою смертью наукъ, какъ „Скучная исторія“,—да развѣ это жизнь, господа?

Будемъ благодарны страшному призраку, который заноситъ свою безжалостную косу надъ каждымъ изъ насъ, а также—надъ каждымъ „настроеніемъ“ въ исторіи. Будемъ признательны ему, какъ и нашему внѣшнему врагу, за историческій экзаменъ. Послѣдній выдвинулъ „внутренняго японца“, съ паденіемъ котораго желтыя полчища растаютъ, какъ утрення мгла передъ солнцемъ. А погасаніе художника „сѣраго пятна“ подарило насъ всеобщимъ сознаніемъ внутренняго недуга, желаніемъ исцѣлиться.

Болѣзнь „конца вѣка“ явственно подается на Западъ. Вопли „чудаковъ“, юродивыхъ, кающихся старцевъ гложутъ подъ напоромъ возвышающагося голоса здраваго смысла, науки, жизненной правды и всеобщей справедливости. Красивая, но пустая накипь сбѣгаетъ съ очага безсмертныхъ силъ историческаго прогресса...

Еще не поздно начинать 20-й вѣкъ. А намъ и Богъ велѣлъ покончить съ концомъ его предшественника. Долой же „сѣрое пятно“, и въ особенности безволіе, этотъ проклятый корень зла! Пусть упокоятся вѣчными сномъ, вмѣстѣ съ ихъ создателями, „три сестры“, какъ тѣни прошлаго! Пусть онѣ сойдутъ въ ту же бездну вѣчности, куда ушла передъ ними жадно глядѣвшая на дорогу чернوبرовая дикарка некрасовской „Тройки“!

Чеховъ умеръ; умри же „чеховское настроеніе“!

А. Трачевскій.